

альных единиц; перспективы использования резкого повышения деривационного потенциала каких-либо единиц в качестве критерия отнесения их к ключевым словам национального менталитета и многие другие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале науки. СПб., 1991.

2. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985. Т. 1.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Н. И. КОНОВАЛОВА
Уральский педуниверситет

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ НОМИНАТИВНОГО ПРИЗНАКА В ВЫСКАЗЫВАНИИ

Анализируются контексты, актуализирующие номинативный признак фитонима, и делается вывод о значимости подобных контекстов для описания соответствующей группы слов как системы.

Принципы номинации¹ (в том числе растений) достаточно полно описаны в парадигматическом аспекте (см. [1; 3; и др.]): в целом представлен «набор» признаков, лежащих в основе номинации реалий данной семантической общности. В последнее время более активно разрабатывается вопрос об актуальности номинативного признака (НП) для функционирования названий соответствующей денотативной отнесенности в речи. В этом плане интересным может быть обращение к высказываниям, ориентированным на передачу определенной информации с учетом принципов номинации тех или иных объектов, являющихся предметом сообщения.

Материалом анализа в данной статье является фитонимическая лексика среднеуральских говоров. В зависимости от роли актуализируемого признака в реализации целей коммуникации можно выделить два типа высказываний.

1. Контексты, отражающие связь названий с их предметной соотнесенностью и сопутствующими коннотациями. К высказываниям этого типа следует отнести:

а) контексты - толкования, разъясняющие признак, положенный в основу наименования того или иного денотата:

¹ Под принципами номинации понимаются «своеобразные ономастологические модели, обобщающие наиболее характерные аспекты и признаки, по которым происходит называние однородных предметов» [1, с. 12].

Разбой-трава колотье разбиват; если спина болит, попей ее, и все разобьет, вот разбой-трава и зовут; По летай вместе с овсом растет; овес когда веешь, полетай весь улетает, у его семечки легкие, он пустой. Контексты указывают на НП «назначение растения» и «реакция растения на внешние раздражители»;

б) контексты, указывающие на экспрессивность восприятия признака, лежащего в основе наименования реалии (с опорой на внутреннюю форму (ВФ) слова).

Поскольку номинативный процесс имеет ярко выраженный антропоцентрический характер (все обозначаемое соотносится с человеком и его деятельностью), НП могут отражать не только объективные свойства растений, но и те, которыми они не обладают. Это, например, признаки, приписываемые растению номинатором, отражающие эмоциональное состояние человека, связанное с воздействием на него того или иного растения. НП могут быть обусловлены ситуацией, состоянием субъекта, его ассоциациями, уровнем его языковой компетенции [2, с. 10]. Ср., например, наименования, во ВФ которых отражена сема интенсивности признака: *Такой жгучий этот чертополох, обжигат, хуже крапивы, не зря его жигуном зовут*. НП отражает свойство растения оказывать сильное, резкое, раздражающее воздействие на кожу человека; *Как в поле зайдешь, все чулки липухой облепит, шибко приставуч этот лепильник*. Актуализируется коннотация, закрепленная в семантике НП *липучий* (ср. с однокоренными словами *липкий, прилипать* по семе «такой, от которого трудно избавиться»); *Листюгу* *наросло, здоровущий, сразу не выдержашь*. Контекст свидетельствует об экспрессивности признака «внешний вид сорного растения, имеющего очень большие крепкие листья и трудно поддающегося искоренению». Отрицательная коннотация находит формальное выражение в словообразовательной структуре слова, содержащей экспрессивный формант *-юг-*;

в) контексты, указывающие на оценочный характер НП, закрепленный в его ВФ: *Царь-трава от девяноста девяти болезней помогает, попьешь царь-травы, всяка боль утихнет; Приятя* (приятна травка) *мелконька, мягонька, цветочки голубеньки, глаз радует*;

г) контексты, содержащие указания на признаки, которые являются основаниями для образной номинации диалектоносителями того или иного растения. Средством создания образности чаще всего являются развернутые сравнительные конструкции: *День и ночь на-под вид фиалки. Когда на луг солнце приходит, лепестки раскрываются, они сверху голубые, светленьки, как бы день, а когда закроются, снизу темны, будто ночь. Врачебница — она, как фершал, даже лучше, тот не каждую болезнь знает, а врачебница хоть от че помогает: хоть от надсады, хоть от кашля — от всего*.

Все перечисленные контексты содержат указания на функционально значимые признаки и сопутствующие им коннотации названий фитонимов, связанные с их предметной соотносительностью.

Другой аспект функционального анализа названий растений с учетом их ВФ — установление системных связей ЛЕ в диалектной лексико-семантической системе.

2. Контексты второго типа показывают, что отраженные в названиях растений НП способствуют установлению разного рода семантических отношений между словами одной ЛСП и предопределяют «оппозицию и комбинаторику лексических единиц как два основных принципа их функционирования» [5, с. 39]. Приведем примеры системно значимых оппозиций, выстраиваемых на основе НП и выявляемых на уровне контекста:

а) гипер-гипонимические. *В поле растет, вот и поляк: васильки да, босоног да, сурепка... всякий бывает.* Контекст уточняет НП, лежащий в основе гиперонима, последующими гипонимами. Встречаются контексты, в которых употребляются два или более гиперонима, связанные общим принципом номинации, например, по месту произрастания реалии. Ср. употребление в одном контексте собирательных названий водных (*водняк*) и луговых (*лужанка, лужайка*) растений: *Так в о д н я к — разна болотна, озерна, рещна трава, на воде живет, а лужанка всяка коло дома да на лугах покосных.* В этом случае высказывание имеет характер сопоставления, «...контекстуальная информация, с одной стороны, поддерживает значение несходства, с другой стороны, указывает на содержательную общность соотносимых частей» [4, с. 621];

б) синонимические. Отметим, что среди диалектных названий растений нет семантических синонимов, что связано со спецификой данной ЛСП. Синонимические оппозиции, таким образом, составляют в основном стилистические синонимы, при этом в наблюдаемом материале стилистически окрашенными оказываются мотивированные наименования, употребляемые в одном контексте с немотивированными. Например, параллельное употребление в одной микросистеме нейтральных немотивированных с синхронной точки зрения названий *пырей, чилибуха* и экспрессивных *коренюга, рвотник*. В высказываниях актуализируется отрицательная коннотация, выражаемая и значениями суффиксов, обладающих коннотативным потенциалом, и самим выбором названия, в котором закрепляется сема оценки говорящим обозначаемого: *Пырей полоть плохо, у него корень противный длиннющий тащится, потому его еще коренюгой зовем; Пьяницы в чай чилибуху запаривают для дурману, опятья этого рвотника, хуже самогону;*

в) вариантыые. Употребление номинативных вариантов не вызывает семантических или стилистических изменений высказывания, сочетаемостные возможности вариантов тождест-

венны, поэтому они свободно замещают друг друга в контексте: *Раньше и сплешной травой² коней лечили, щас уж мало кто знат, привяжут этот кобы лятни к-от к ушибленому месту, помогало, он жар вытягиват; Травой от двенадцати родимцев ребятишек поят от глазую, запаривают ро'д и мочну и на ночь дают, чтоб не пужался;*

г) номинативные признаки коннотативного характера могут служить базой формирования антонимических оценочных оппозиций: «красивый — некрасивый» (*немила — милоцвет, безобраза — миловида, невзрачка — милушка*), «полезный — бесполезный» (*умна трава — нищая трава, бросова трава*), «полезный — вредный» (*царь-трава, всем травам мать — зловреда, вредоноска*), «имеющий приятный запах — имеющий резкий, неприятный запах» (*приятна травка, приятя, благовонник — смердячка, дурнопахучник, козлянник вонючий, ословонник*). Такого рода признаки актуализируются в контекстах противопоставлениях: *Невзрачка-та — зеленая ромашка, ее много, только не сразу заметишь, она мелконька, некрасива, а милушку всякий знат, у ее цветки красивые белые с желтой середкой, на их девки гадают «любит — не любит».*

Особо отметим антонимическую оппозицию «настоящий — ненастоящий», которая выражается, как правило, однословным и составным наименованиями, последнее представляет собой сочетание однословного фитонима с определением. В роли определения, выражающего значение «ненастоящий, ложный», могут употребляться прилагательные *дикий, глухой, земляной* (ср. *чеснок — дикий чеснок, крапива — глухая крапива, хмель — земляной хмель* и т.п.) или притяжательные прилагательные, образованные от названия животного или птицы и не имеющие с ним семантических связей (например, *горох — журавлиный горох, пучки — медвежьи пучки, щавель — конский щавель* и др.). Номинативный признак «ненастоящий» актуализируется в описательно-дифференцирующих контекстах: *Крапива — зеленая и обжигат, а глухая крапива такая мутная, как бы пеплом обсыпанная, листочки-те мягкие, не жгутся, а с виду оне похожи.* Контекст свидетельствует об актуализации одного из признаков фитонима *глухая крапива* — «имеющий лишь внешнее сходство с крапивой, ненастоящий», само же название *крапива*, не мотивированное с синхронной точки зрения, не содержит в своем значении семы «настоящий», являющейся компонентом антонимической оппозиции. НП, выступающий в названии *глухая крапива*, оказывается релевантным для противопоставления только в системе взаимосвязанных номинаций (*крапива — синяя крапива, глухая крапива*), что фиксируется в структуре высказывания.

² Ср. *исплет, искрек, исплек* — «ушиб, вывих плеча у лошади».

Таким образом, актуализация в высказывании НП доказывает функциональную значимость ВФ слова для восприятия его семантики и характеристики системно осознанных связей.

Учет подобного рода высказываний необходим при описании системной организации семантических общностей разных деноминативных классов и семантической структуры наименования. Подобные высказывания демонстрируют, кроме того, важную роль ВФ наименования в актуализации коммуникативных намерений говорящего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Голев Н. Д.* О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири. Томск, 1981.
2. *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
3. *Копочева В. В.* Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале растений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.
4. *Русская грамматика.* М., 1980. Т. 2.
5. *Языковая номинация. Общие вопросы.* М., 1977.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

А. А. КРЕТОВ
Воронежский университет

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

На основе компьютерного анализа трех синхронных срезов в истории русской глагольной лексики делаются интересные выводы о динамике развития лексической системы.

В настоящее время история русского языка представлена исторической фонетикой, исторической морфологией и историческим синтаксисом. Отдел исторической лексикологии отсутствует. Имеющиеся работы по истории лексики написаны на разном материале, характеризуются разными научными позициями и не могут быть сведены воедино.

Работу по созданию русской исторической лексикологии целесообразно начинать с описания лексико-семантической системы современного русского языка, а затем шаг за шагом уходить в глубь истории. «Только лингвист, изучивший всесторонне живой язык, может позволять себе делать предположения об особенностях языков умерших. Изучение языков живых должно предшествовать исследованию языков исчезнувших» [1, с. 387].

Более того, не научившись описывать синхронные состояния лексико-семантической системы, мы не в состоянии создать и диахронического описания лексики, а обречены на создание